

Векторы региональной экономической политики в сфере научно-технологического развития с учетом трендов цифровой экономики

Фисенко Г.В., соискатель кафедры финансового учета и контроля
РТУ-МИРЭА, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются векторы региональной экономической политики в сфере научно-технологического развития в условиях формирования цифровой экономики. На основе официальной статистики проанализировано межрегиональное неравенство в научно-технологическом и цифровом развитии субъектов Российской Федерации. Предложена типология регионов по уровню научно-технологического развития, выделяющая четыре группы (А, Б, С, Д), и дифференцированные наборы инструментов региональной политики для каждой группы. Разработана система показателей эффективности (KPI) региональной политики, а также комплекс инструментов сглаживания межрегиональных диспропорций, включающий механизмы горизонтальной кооперации, дифференцированного бюджетного софинансирования и циркуляции человеческого капитала.

Ключевые слова: региональная экономическая политика, научно-технологическое развитие, цифровая экономика, межрегиональное неравенство, цифровой разрыв, типология регионов, KPI, пространственное развитие.

Vectors of regional economic policy in the sphere of scientific and technological development, taking into account digital economy trends

Fisenko G.V., Researcher, Department of Financial Accounting and Control
RTU MIREA, Moscow, Russia

Annotation. The article examines the vectors of regional economic policy in the sphere of scientific and technological development under the formation of the digital

economy. Based on official statistics, interregional inequality in the scientific, technological, and digital development of the constituent entities of the Russian Federation is analyzed. A typology of regions by the level of scientific and technological development is proposed, distinguishing four groups (A, B, C, D), along with differentiated sets of regional policy instruments for each group. A system of key performance indicators (KPIs) for regional policy has been developed, as well as a set of instruments for smoothing interregional disparities, including mechanisms of horizontal cooperation, differentiated budget co-financing, and human capital circulation.

Key words: regional economic policy; scientific and technological development; digital economy; interregional inequality; digital divide; typology of regions; KPIs; spatial development.

Научно-технологическая политика региона представляет собой совокупность целенаправленных мер органов государственной власти субъекта РФ по развитию научного и технологического потенциала территории, его интеграции в национальную инновационную систему и обеспечению технологической независимости. В условиях цифровой экономики эта политика приобретает новые измерения, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, искусственного интеллекта и цифровых платформ [11].

Концептуализация технологического лидерства как национальной цели осуществляется из единого центра принятия решений и носит преимущественно директивный характер [9]. Научно-технологическая политика субъектов РФ по достижению национальной цели технологического лидерства строится в русле реализации национальных проектов, обеспечения технологической независимости и формирования новых рынков по сформулированным Правительством РФ направлениям, а с другой стороны появлением множества новых рисков [3].

Цифровая экономика изменяет саму природу факторов, определяющих научно-технологическую конкурентоспособность региона [11]. Классическая

модель региональной инновационной системы исходила из триады «наука — образование — производство», связанной территориальной близостью. В условиях цифровизации значение физической концентрации снижается, а на первый план выходят: доступ к данным и вычислительным мощностям; качество человеческого капитала и его мобильность; наличие платформенной инфраструктуры; скорость распространения технологий по цепочкам создания стоимости [1].

Можно выделить несколько трендов цифровой экономики, принципиально меняющих содержание региональной научно-технологической политики.

Во-первых, платформенность экономики. Рынки всё в большей степени организуются вокруг цифровых платформ, концентрирующих данные, компетенции и капитал; для регионов это означает смещение конкуренции от привлечения отдельных предприятий к включению в платформенные экосистемы. Во-вторых, превращение данных в самостоятельный фактор производства: ценность создаётся не столько владением активами, сколько способностью их анализировать, что требует от регионов развития инфраструктуры обработки и хранения данных. В-третьих, распространение искусственного интеллекта, который повышает производительность труда прежде всего там, где уже сформирован кадровый и инфраструктурный задел, — то есть усиливает первоначальные преимущества регионов-лидеров. В-четвёртых, рост дистанционной занятости, открывающий для периферийных территорий возможность включения в общенациональные рынки труда без физической миграции. В-пятых, курс на технологический суверенитет и импортозамещение программного обеспечения, формирующий внутренний спрос на ИТ-продукцию и новые ниши для региональных ИТ-кластеров.

Совокупное действие этих трендов порождает сетевую модель пространственной организации научно-технологического развития — «хабы и спицы»: немногочисленные технологические ядра генерируют знания и технологии, а остальные территории подключаются к ним через кооперационные цепочки, цифровые сервисы и распределённые команды. Для региональной

политики это означает отказ от имитации «полного цикла» инновационной системы в каждом субъекте Федерации и переход к специализации: каждая территория должна занять рациональную нишу в общенациональной инновационной сети. Именно поэтому корректная типология регионов становится методологической основой дифференцированной политики.

Важнейшим условием сбалансированного развития выступает гармоничное сочетание накопленных научного и технологического потенциалов. В литературе подчёркивается [2][6][7][10], что перспективы научно-технологического и инновационного развития на уровне отдельных территорий зависят от множества региональных характеристик, в том числе от величины и сбалансированности накопленных научного и технологического потенциалов, уровня развития цифровых технологий.

Вместе с тем отсутствие научно-технического потенциала не препятствует инновационному развитию территорий, которое должно рассматриваться в контексте преобразований, направленных на повышение качества жизни населения с использованием современных технологий. Для развития таких территорий необходимо усилить горизонтальные связи с регионами с высокой концентрацией научно-технического потенциала, что требует текущей оценки состояния и перспектив развития научно-технологического потенциала региона (HT^{Π}_p).

Одним из важнейших аспектов авторского подхода является не только разработка перечня индикаторов и их синхронизация в интегральный индекс по каждой из целей регионального развития: «устойчивая и динамичная экономика» ($HT^{\Pi}_{pi} Y^d$), «технологическое лидерство» ($HT^{\Pi}_p T^L$) и «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» ($HT^{\Pi}_p Z^{gu}$), а исследование межрегионального неравенства по заданным параметрам позволяет констатировать степень пространственного неравенства и сгруппировать регионы, обладающие схожими значениями в пределах округов или страны в целом.

Разработанная система из 20 индикаторов для оценки НТ^П_Р в условиях достижения целей национального развития («устойчивая и динамичная экономика», «технологическое лидерство» и «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы») позволяет реализовать на практике, на наш взгляд, проектный подход, позволяющий решить важнейшую научную задачу, заключающуюся в применении системы индикаторов, разграниченных по подсистемам (научный компонент, технологическая инфраструктура, цифровая зрелость, регуляторная и институциональная среда, кадровые ресурсы), приведенных к соразмерному ряду для расчета интегрального индекса, по которому были разработаны диапазоны возможных значений и соответствующие уровни развития, как для отдельно взятого региона, так и в условиях межрегиональных сравнений для выявления диспропорций экономического пространства.

Применяя разработанный методический подход автором был проведен анализ межрегиональных диспропорций по регионам, входящим в состав Центрального федерального округа РФ по данным статистики [4] [5] (табл. 1).

На основании проведенных расчетов, можно структурировать регионы ЦФО по уровню развития НТ^П_Р с учетом возможностей достижения национальных целей «устойчивая и динамичная экономика», «технологическое лидерство» и «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»:

- уровень «Д»- входят регионы- лидеры (значение интегрального индекса >0,8): г.Москва, Московская и Калужская области;

- уровень «С»- регионы с развитым НТ^П_Р (значение интегрального индекса находится в диапазоне от 0,7 до 0,8): Ярославская, Тульская, Воронежская, Белгородская области;

- уровень «Б»- регионы с формирующимся НТ^П_Р (значение интегрального индекса находится в диапазоне от 0,4 до 0,6): Липецкая, Владимирская, Рязанская, Тверская, курская, Смоленская, Брянская, Тамбовская и Ивановская области;

Таблица 1

**Оценка регионов ЦФО РФ по уровню развития HT^{Π}_P для достижения целей национального развития
«устойчивая и динамичная экономика», «технологическое лидерство» и «цифровая трансформация
государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»**

№ п/п	Регион	2023 г			2024 г			2025 год		
		$HT^{\Pi}_{Pi} Y^d$	$HT^{\Pi}_{PT} L$	$HT^{\Pi}_{PZ} gu$	$HT^{\Pi}_{Pi} Y^d$	$HT^{\Pi}_{PT} L$	$HT^{\Pi}_{PZ} gu$	$HT^{\Pi}_{Pi} Y^d$	$HT^{\Pi}_{PT} L$	$HT^{\Pi}_{PZ} gu$
1	Г.Москва	0,950	0,960	0,970	0,960	0,970	0,980	0,970	0,980	0,990
2	Московская обл.	0,88	0,894	0,904	0,887	0,906	0,921	0,903	0,917	0,929
3	Белгородская обл.	0,660	0,667	0,683	0,675	0,682	0,698	0,690	0,697	0,713
4	Брянская обл.	0,490	0,497	0,513	0,505	0,512	0,528	0,520	0,527	0,543
5	Владимирская обл.	0,600	0,607	0,623	0,615	0,622	0,638	0,630	0,637	0,653
6	Воронежская обл.	0,690	0,697	0,713	0,705	0,712	0,728	0,720	0,727	0,743
7	Ивановская обл.	0,420	0,427	0,443	0,435	0,442	0,458	0,450	0,457	0,473
8	Калужская обл.	0,770	0,777	0,793	0,785	0,792	0,808	0,800	0,807	0,823
9	Костромская обл.	0,380	0,387	0,403	0,395	0,402	0,418	0,410	0,417	0,433
10	Курская обл.	0,530	0,537	0,553	0,545	0,552	0,568	0,560	0,567	0,583
11	Липецкая обл.	0,630	0,637	0,653	0,645	0,652	0,668	0,660	0,667	0,683
12	Орловская обл.	0,340	0,347	0,363	0,355	0,362	0,378	0,370	0,377	0,393
13	Рязанская обл.	0,560	0,567	0,583	0,575	0,582	0,598	0,590	0,597	0,613
14	Смоленская обл.	0,510	0,517	0,533	0,525	0,532	0,548	0,540	0,547	0,563
15	Тамбовская обл.	0,460	0,467	0,483	0,475	0,482	0,498	0,490	0,497	0,513
16	Тверская обл.	0,540	0,547	0,563	0,555	0,562	0,578	0,570	0,577	0,593
17	Тульская обл.	0,710	0,717	0,733	0,725	0,732	0,748	0,740	0,747	0,763
18	Ярославская обл.	0,730	0,737	0,753	0,745	0,752	0,768	0,760	0,767	0,783
В среднем по регионам ЦФО		0,603	0,610	0,626	0,617	0,625	0,640	0,632	0,639	0,655

Источник: расчеты автора

- уровень «А»- регионы с низким уровнем HT^P_r (значение интегрального индекса $<0,4$): Костромская и Орловская области.

Для оценки степени межрегионального неравенства регионов ЦФО был рассчитан индекс Тейла по всем из интегральных индексов, характеризующих уровень развития HT^P_r , значение и динамика которого проиллюстрирована с помощью рис. 1.

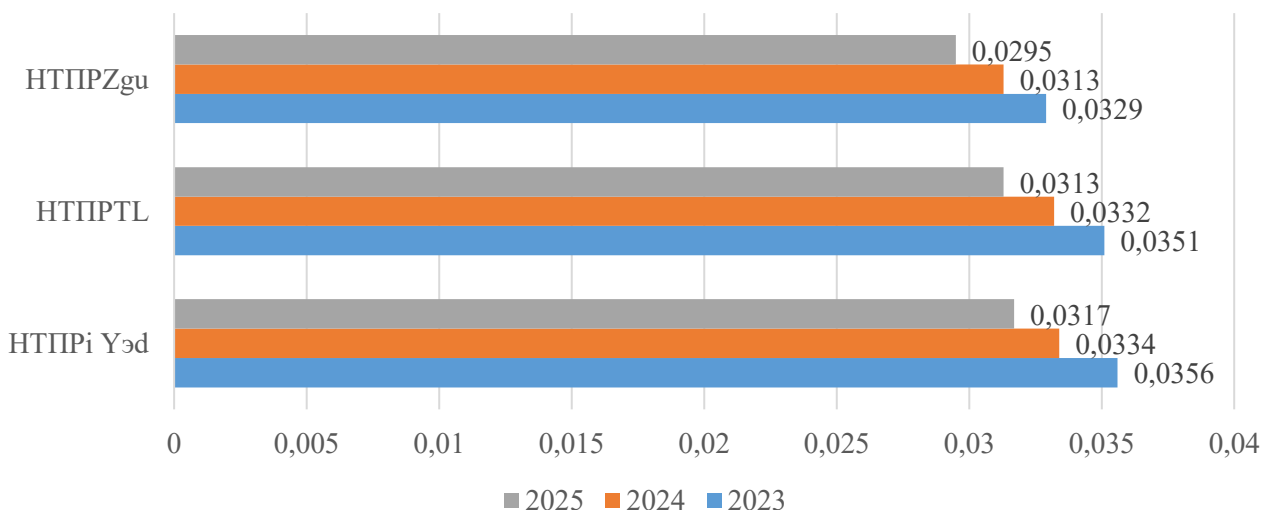

Рис. 1 – Динамика Индекса Тейла по регионам ЦФО по уровню развития HT^P_r для достижения целей национального развития «устойчивая и динамичная экономика», «технологическое лидерство» и «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»
 Источник: расчеты автора

В целях пространственного выравнивания регионов, входящих в ЦФО по исследуемым параметрам, следует вносить дополнения в используемые инструменты экономической региональной политики. Логика дифференциации инструментов состоит в смещении акцентов по мере перехода от группы А к группе Д: от генерации новых знаний — к их прикладной локализации, далее к массовому внедрению готовых решений и, наконец, к базовому выравниванию условий интеграции в цифровую экономику.

Систематизация групп, векторов и инструментов представлена с помощью табл. 2.

Типология регионов по уровню научно-технологического развития и дифференцированные инструменты политики

Группа регионов	Характеристика группы	Приоритетный вектор политики	Ключевые инструменты
А	Технологические ядра: высокая концентрация НИИ, вузов и ИТ-бизнеса, значительная доля затрат на НИОКР в ВРП	Глобальная конкурентоспособность и технологическое лидерство, генерация новых знаний и технологий фронтного уровня	Фронтальные исследовательские программы и мегагранты; специальные режимы для ИТ-отрасли (налоговые льготы, режимы экспериментальных правовых режимов); поддержка технологического предпринимательства («Студстартап», технопарки, венчурные фонды); экспортная поддержка ИКТ-продуктов; научные центры мирового уровня
Б	Регионы с развитой научно-производственной базой: наукоёмкая промышленность, опорные вузы, инжиниринговые компетенции при ограниченном ИТ-секторе	Прикладная локализация технологий и индустриальная цифровизация, перевод результатов исследований в серийное производство	Инжиниринговые центры и центры коллективного пользования; программы цифровизации промышленных предприятий; научно-образовательные центры и консорциумы «вуз–НИИ–предприятие»; субсидирование внедрения отечественного ПО и промышленного лизинга; соглашения о научно-технологической кооперации с регионами группы А
С	Регионы среднего уровня развития: преобладание традиционных отраслей, фрагментарная цифровая зрелость, ограниченный спрос на инновации со стороны бизнеса	Массовое внедрение и тиражирование готовых цифровых решений, формирование спроса на инновации и цифровых компетенций	Субсидии и гранты на цифровизацию МСП; региональные программы переподготовки кадров по цифровым компетенциям; внедрение типовых цифровых решений в социальной сфере и ЖКХ; развитие инфраструктуры поддержки предпринимательства («Мой бизнес») с цифровым профилем; участие в федеральных регуляторных «песочницах»

Д	Отстающие и депрессивные территории: низкая цифровая зрелость, инфраструктурные ограничения, устойчивый отток кадров, узкая налогооблагаемая база	Базовое выравнивание условий и включённость в цифровую экономику, удержание человеческого капитала	Инфраструктурные проекты устранения цифрового неравенства (широкополосный доступ к населённым пунктам); создание дистанционных рабочих мест и точек роста; повышенная доля федерального софинансирования региональных программ; межрегиональное «наставничество» и кооперационные цепочки; адресная бюджетная поддержка с научно-технологическим компонентом
---	---	--	--

Источник: Предложено автором

Принципиально важно, что группы не являются «статичными»: состав типологии подлежит пересмотру по итогам регулярного мониторинга, а переход региона в более высокую группу должен рассматриваться как индикатор успеха политики. Соответственно, инструментарий строится так, чтобы создавать «траекторию роста»: например, центры коллективного пользования группы Б обеспечивают доступ к дорогостоящему оборудованию не только своим предприятиям, но и заказчикам из групп С и Д; программы цифровизации МСП группы С опираются на типовые решения, апробированные в регионах групп А и Б.

Дифференциация инструментов требует и дифференциации системы оценки результатов: применение единых КРІ к несопоставимым по потенциалу территориям воспроизводит неравенство в управленческой плоскости, стимулируя отстающие регионы к имитации показателей, а лидеров — к занижению амбиций.

Предлагаемая система КРІ для каждой группы регионов отражает её приоритетный вектор: для группы А — показатели генерации знаний и глобальной конкурентоспособности; для группы Б — индикаторы перевода разработок в производство; для группы С — масштаб и скорость внедрения цифровых решений; для группы Д — базовую включённость в цифровую экономику и удержание человеческого капитала (табл. 3).

Система показателей эффективности (KPI) региональной политики по группам регионов

Группа	Ключевые показатели эффективности (KPI)	Ориентир целевого значения (к 2030 г.)
А	Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП; число технологических стартапов на 1 млн жителей; доля экспорта ИКТ-услуг в валютной выручке региона; число заявок на изобретения на 10 тыс. человек, занятых исследованиями; доля организаций, использующих технологии искусственного интеллекта	Затраты на НИОКР — не менее 3 % ВРП; использование ИИ — не менее 50 % организаций; устойчивый рост доли экспорта ИКТ-услуг
Б	Доля организаций, осуществлявших технологические инновации; прирост производительности труда на предприятиях обрабатывающей промышленности; доля предприятий, внедривших сквозные цифровые технологии; число совместных проектов «вуз–предприятие», доведённых до серийного производства; доля затрат на НИОКР, финансируемых предпринимательским сектором	Ежегодный прирост производительности труда — не менее 5 %; доля инновационно активных организаций — не ниже среднероссийского уровня
С	Доля МСП, использующих цифровые платформы и облачные сервисы; доля массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде; доля работников, прошедших обучение по программам цифровых компетенций; число внедрённых типовых цифровых решений в социальной сфере; доля домохозяйств с широкополосным доступом в интернет	Доля цифровизованных МСП — не менее 60 %; широкополосный доступ — не менее 97 % домохозяйств
Д	Охват населения широкополосным доступом в интернет; число созданных дистанционных рабочих мест; миграционное сальдо населения в возрасте 15–35 лет; доля образовательных и медицинских организаций, подключённых к опорным цифровым сервисам; доля граждан, использующих интернет для получения государственных услуг	Широкополосный доступ — не менее 95 % населения; замедление оттока молодёжи до неотрицательных значений миграционного сальдо

Источник: Предложено автором

Наряду с групповыми KPI целесообразно ввести надгрупповые показатели, отражающие динамику межрегионального неравенства как такового: коэффициент вариации ВРП на душу населения; индекс Джини по доле занятых в

ИКТ; соотношение значений интегрального индекса цифровой зрелости для 10 % лидирующих и 10 % отстающих регионов.

Снижение в динамике представленных показателей должно рассматриваться как совместная ответственность федерального центра и регионов групп А и Б, что создаёт управленческий стимул для развития горизонтальной кооперации. Рекомендуется интегрировать групповые KPI в систему оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Федерации с учётом принадлежности региона к типологической группе.

Опыт развитых федеративных государств и отечественная практика показывают, что прямая перекачка ресурсов в отстающие регионы без изменения механизмов их использования воспроизводит зависимость, а не развитие. Поэтому комплекс инструментов сглаживания диспропорций целесообразно строить на трёх взаимодополняющих контурах: горизонтальной кооперации, дифференцированной вертикальной поддержке и циркуляции человеческого капитала.

Первый контур — механизмы горизонтальной межрегиональной кооперации. К ним относятся: межрегиональные научно-технологические консорциумы, в которых регионы групп А и Б выступают заказчиками и интеграторами, а регионы групп С и Д — площадками апробации и внедрения; сетевая организация научных центров мирового уровня и межрегиональных научно-образовательных кампусов с распределённой структурой подразделений; соглашения о научно-технологическом сотрудничестве между субъектами Федерации, предусматривающие совместное финансирование проектов и разделение получаемых эффектов (включая налоговые эффекты); программы межрегионального «наставничества», в рамках которых регионы-лидеры сопровождают цифровую трансформацию отстающих территорий с привязкой вознаграждения к результату. Для цифровой сферы особую роль играет тиражирование: типовые цифровые решения, апробированные в одном регионе, должны по умолчанию распространяться на остальные, что многократно снижает издержки цифровизации периферии.

Второй контур — дифференцированная вертикальная поддержка. Её ядром является гибкая система софинансирования: доля федеральных средств в региональных научно-технологических и цифровых программах должна возрасти по мере перехода от группы А к группе Д (вплоть до преимущественно федерального финансирования инфраструктурных проектов в группе Д), что компенсирует неравенство бюджетной обеспеченности. Дополнительные инструменты: учёт показателей научно-технологического и цифрового разрыва в формулах распределения выравнивающих дотаций; инфраструктурные облигации и бюджетные кредиты на проекты цифровой инфраструктуры в отстающих регионах; адресная поддержка через институты развития с обязательным региональным критерием распределения; создание в регионах групп С и Д опорных площадок федеральных программ (центров компетенций, испытательных полигонов, филиалов федеральных исследовательских центров), формирующих локальные точки роста.

Третий контур — циркуляция человеческого капитала. Поскольку вторичный цифровой разрыв есть прежде всего разрыв кадровый, ключевое значение приобретают: программы дистанционной занятости, позволяющие жителям регионов групп С и Д работать на организации групп А без миграции (включая развитие коворкинговой инфраструктуры и правовое оформление распределённых команд); механизмы «возвратной» мобильности — стажировки специалистов из отстающих регионов в ведущих центрах с обязательным возвратом и последующим тиражированием компетенций; образовательные траектории с распределённым обучением (сетевые программы вузов групп А и региональных вузов); поддержка внутренней трудовой миграции, ориентированной не на изъятие кадров из регионов, а на их временную ротацию. Цифровая экономика делает такую модель технологически реализуемой: если в индустриальную эпоху выравнивание требовало физического перемещения производств, то в цифровую — достаточно перемещения задач и компетенций.

Все три контура должны опираться на единую систему мониторинга [8]: регулярно обновляемую типологию регионов, публичные цифровые профили

территорий и сквозной набор индикаторов, совместимый с системой национальных целей развития. Использование технологий «цифровых двойников» регионов позволит моделировать последствия управленческих решений до их принятия и оценивать вклад каждого инструмента в снижение межрегиональной дифференциации.

Библиографический список:

1. Афанасьева Л.В., Ткачева Т.Ю., Пияльцев А.И. Выявление и статистическая оценка факторов, сдерживающих экономический потенциал регионов в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020 – Т. 10, № 6 – С. 32–41. –EDN: QDBWLG.
2. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 495 с.
3. Земцов С.П., Баринаева В.А., Семенова Р.В. Риски реализации инновационной политики в регионах России // Вопросы экономики. – 2019. – № 9. – С. 67–92.
4. Индикаторы науки: 2026 : статистический сборник / Л.М. Гохберг, Е.А. Стрельцова, М.Я. Бочаров и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2026. – 428 с.
5. Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. – М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. – 264 с.
6. Клейнер Г.Б. Пространственные основы цифровой трансформации экономики // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 287–300.
7. Климов, К.В., Решетникова, М.В. Цифровой разрыв как фактор дестабилизации социально-экономического развития регионов Российской Федерации в условиях санкций. Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление, 2025. – № 3, – с.12-23.

8. Кулагина Н.А., Гарипова В.В. Мониторинг технологического развития и достижения суверенитета региона: организационный механизм // Экономика науки. – 2025. – Т. 11. – № 4. – С. 24-37.

9. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»: паспорт национального проекта. – М., 2025.

10. Растворцева С.Н., Бахвалова. Цифровой разрыв в регионах России: оценка и приоритеты в контексте решения национальных целей развития страны // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, – 2026. – Т. 19. – № 1. – С. 73–93. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.8.

11. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. – № 10. – Ст. 1495.

References:

1. Afanasyeva L. V., Tkacheva T. Yu., Piyaltsev A. I. Identification and statistical assessment of factors constraining the economic potential of regions under digitalization // Proceedings of Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management. – 2020 – Vol. 10, № 6 – P. 32–41. – EDN: QDBWLG.

2. Granberg A.G. Fundamentals of Regional Economics: a textbook for university students. – Moscow: HSE University, 2000. – 495 p.

3. Zemtsov S. P., Barinova V. A., Semenova R. V. Risks of implementing innovation policy in Russian regions // Voprosy Ekonomiki. – 2019. – № 9. – P. 67–92.

4. Science Indicators: 2026: statistical compendium / L.M. Gokhberg, E.A. Streltsova, M. Ya. Bocharov et al.; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: ISSEK HSE, 2026. – 428 p.

5. Digital Economy Indicators: 2025: statistical compendium / V. L. Abashkin, G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg et al. – Moscow: ISSEK HSE University, 2025. – 264 p.

6. Kleiner G. B. Spatial foundations of the digital transformation of the economy // Economy of Region. – 2023. – Vol. 19, № 2. – P. 287–300.

7. Klimov K. V., Reshetnikova M. V. The digital divide as a factor destabilizing the socio-economic development of the regions of the Russian Federation under sanctions // Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. – 2025. – № 3. – P. 12–23.
8. Kulagina N. A., Garipova V. V. Monitoring technological development and achieving regional sovereignty: an organizational mechanism // Economics of Science. – 2025. – Vol. 11, № 4. – P. 24–37.
9. National Project «Data Economy and Digital Transformation of the State»: national project passport. – Moscow, 2025.
10. Rastvortseva S. N., Kolchinskaya E. E., Panasyuk S. A. Inequality and spatial effects in the development of the digital economy in Russian regions // Baltic Region. – 2026. – Vol. 18, № 1. – DOI: 10.5922/2079-8555-2026-1-8.
11. Strategy for the Scientific and Technological Development of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation № 145 of February 28, 2024 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 10. – Art. 1495.

Для цитирования: Фисенко Г.В., Векторы региональной экономической политики в сфере научно-технологического развития с учетом трендов цифровой экономики / Российский экономический интернет-журнал. – 2026. – № 3. URL:

© Фисенко Г.В., Российский экономический интернет-журнал 2026, № 3